Персональная идентичность художника как условие и результат творчества в искусстве

DOI 10.31483/r-74987
УДК 18+7.01

Мочалова Н.Ю.
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»,
Нижний Тагил, Российская Федерация.
https://orcid.org/0000-0001-9640-6555, e-mail: ochalova_n2008@mail.ru

Резюме: Автор подчеркивает, что существо проблемы персональной идентичности формулируется в виде дилеммы: личность должна быть тождественна себе, ибо она удерживает противоречивость всех переживаний, поступков, планов на протяжении всей жизни личности; личность не должна быть тождественной себе на основании включенности ее в контекст изменяющегося бытия, что неизбежно предполагает и ее внутреннее самоизменение. Отмечается, что обозначенная дилемма предполагает использование термина «идентичность» в двух контекстах: в контексте сравнения (противоположное значение «идентичному» выражается в терминах «другой», «иной», «чужой», «неравный», «обратный») и в контексте развития, темпоральности (термин «идентичность» становится по значению противоположным «изменившемуся», «непостоянному», «развивающемуся»).

Методы исследования: анализ литературы по исследуемой теме; сравнение, описательный метод.

В статье рассматривается творческая идентичность художника как диалектический процесс смены доминирующих форм, стилей, образов. Художественно-онтологическая проблема самотождественности художественной персональности представлена через диалог «своего и Другого». Художественная реальность произведения искусства дает возможность художнику в контексте интерсубъективности познать существо своей идентичности.

Делается вывод о том, что парадигмой, позволяющей обнаружить интерсубъективную обусловленность идентичности, является реляционная онтология, представляющая отношения как фундаментальную форму бытия. Подчеркивается, что персональная идентичность дискурсивно опосредована самопониманием человека, поэтому методологическим пространством, в котором разворачивается данное исследование, становится прежде всего герменевтика. Герменевтика доказывает, что самопознание и самопонимание человека есть интерпретативный процесс, составляющий важную часть онтологии субъекта. Автор также отмечает, что согласно такой методологии, персональная идентичность оказывается опосредованной своей собственной интерпретативной активностью как философия нарратива, как рассказ человека о себе, складывание истории жизни.

Автору импонирует продуктивная идея исследования Е.Г. Трубиной о рефлексии личности как креативном процессе самоконструирования применительно к модифицируемой персональной идентичности художника.

Ключевые слова: персональная идентичность, художественное творчество, диалог, самотождественность, художественная реальность, реляционная онтология.

Для цитирования: Мочалова Н.Ю. Персональная идентичность художника как условие и результат творчества в искусстве // Этническая культура // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 62-67. DOI:10.31483/r-74987.

Personal Identity of the Artist as a Condition and Result of Creativity in Art

Nadezda Y. Mochalova
Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) FSAEI of HE “Russian State Vocational Pedagogical University”,
Nizhny Tagil, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0001-9640-6555, e-mail: ochalova_n2008@mail.ru

Abstract: The author outlines that the essence of the problem of personal identity is formulated in the form of a dilemma: the personality must be identical to itself, because it retains the inconsistency of all experiences, actions, plans throughout the life of the individual; the personality must not be identical to itself on the basis of its inclusion in the context of changing being, which inevitably implies its internal self-change. It is noted that this dilemma involves the use of the term “identity” in two contexts: in the context of comparison (the opposite meaning of “identical” is expressed in the following terms: “other”, “another”, “alien”, “unequal”, “reverse”) and in the context of development, temporality (the term “identity” becomes the opposite meaning of “changed”, “impermanent”, “developing”).

Research methods: analysis of literature on the topic studied; comparison, descriptive method.

The artist's creative identity as a dialectical process of changing the dominant forms, styles, and images is reviewed in the article. The artistic and ontological problem of self-identity of artistic personality is presented through the dialogue between “One” and “Other”. The artistic reality of a work of art allows the artist to know the essence of his identity in the context of intersubjectivity.

It is concluded that the paradigm that allows us to detect intersubjective conditionality of identity is the relational ontology, which represents relationships as a fundamental form of being. It is emphasized that personal identity is discursively mediated by a person's self-understanding, so hermeneutics primarily becomes the methodological space in which this research is carried out. Hermeneutics proves that self-knowledge and self-understanding of a person is an interpretive process that forms an important part of the subject's ontology. According to this methodology, personal identity is mediated by its own interpretive activity as a narrative philosophy, as a person's story about himself, and as the formation of a life story.

The author is impressed by the productive idea of E.G. Trubina's research on the reflection of the individual as a creative process of self-construction in relation to the modified personal identity of the artist.

Keywords: personal identity, artistic creativity, dialogue, self-identity, artistic reality, relational ontology.

For citation: Mochalova N.Y. (2020). Personal Identity of the Artist as a Condition and Result of Creativity in Art. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 62-67. (In Russ.) DOI:10.31483/r-74987.

CC BY

Введение

Художественность следует рассматривать как сложный экзистенциал бытия, как способ смыслового бытийствования художника и человека. Художественная попытка самоидентичности обречена на продуктивное воображение, образное переосмысление и смысловую трансформацию фактов собственного Я, своей биографии, на художественную побудительную эвокацию, на проживание чужих жизней как своей (инобытийствование). Самое сложное в исследовании – понять и воспроизвести авторскую идентичность без ущерба для нее самой, ухватить ее сокровенное существо без внешних вкраплений.

Как совместить в одном человеке две ипостаси – собственно человеческую и творческую? Должны ли они находиться в абсолютном согласии с собой, либо принцип творческого рассогласования, диспозиционности сущностно необходим для творческой состоятельности? Создаваемая художником художественная реальность содержит экзистенциальный компонент субъективности ее создателя. Всякий творческий акт художника можно понимать как определенный этап пути, точку осмысления себя как неокончательный вариант, отвергающий устойчивые неизменные идентификации.

Методы исследования

Тема подвижной, неустойчивой, меняющейся идентичности нашла отражение в психоаналитической традиции, акцентирующей внимание на иррациональной мотивации процесса художественного творчества. Нельзя преувеличивать меру иррационального в обнаруживаемом таланте, ибо реализация его имеет не только трансцендентную связь с некими космическими силами, но и с многообразием жизненного контекста бытия с его непосредственными живыми эмоциональными впечатлениями и внехудожественными повседневными отношениями. Но, несомненно, также, что для искусствоведения результаты исследований психологов представляют огромный интерес, позволяя обогатить методологию исследования новым взглядом на предмет, в том числе и на закономерности функционирования творческой личности художника.

Культурная самоидентификация художника является одной из самых интересных и сложных тем герменевтического исследования. Всякая герменевтическая операция требует безусловного знания контекста создания произведения искусства, уважительного отношения к нему без попыток современных модернизаций, особенно исторически удаленных эпох. Но произведения прошлого могут получить и второе, третье рождение в контексте современности новой эпохи, и тогда строгими требованиями герменевтики можно поступиться.

Процесс художественного творчества отвергает однозначные устойчивые идентификации, каждый конкретный акт творчества – это еще один шаг к линии горизонта. «Перестать мыслить себя в виде «моего Я» ради того, чтобы проживать себя как поток, как совокупность потоков, находящихся в отношениях с другими потоками вне себя и в себе», – метко уточняет Ж. Делез [3, с. 74]. Условия интерсубъективного формирования персональной идентичности художника неразрывно связаны с дискурсивной обусловленностью ее существования. Начало формирования индивидуального сознания и идентичности связано с превышением себя и принятием иного, с обменом, взаимодействием и взаимопереходом внешнего и внутреннего, диалогом реального и трансцендентного.

Парадигмой, позволяющей обнаружить интерсубъективную обусловленность идентичности, является реляционная онтология, представляющая отношения как фундаментальную форму бытия. Человеческое «Я» берется в его бытии с другими, как уникальная часть человеческой общности, которая и формируется этой общностью.

Творчество как тенденция к самореализации предполагает самонахождение «моего другого» (Г. Гегель), то есть раскрытие себя как предполагаемой ценности. В процессе экзистенциального творчества человек обращается к себе как к иному; в «моем другом» уже заложена творческая неожиданность самооткровения, возможность обнаружения скрытых ценностных параметров. На этом построена эстетическая концепция диалога и полилога М.М. Бахтина [1].

Только в процессе творчества человек обладает своей субъективностью как целостностью. Творчество в этом аспекте есть «снятие противоречия» данного и должного, наличного и полагаемого, идеального и реального. Все многообразие отношений сокровенного мира приобретает большую степень слитности осознаваемого и неосознаваемого, чувственного и рационального, социально-нормативного и индивидуального, актуального и диспозиционального, действительного и возможного. Именно в процессе творческого акта указанные противоречивые моменты полностью или частично совпадают, до него же, в бидоминантном состоянии они не совпадали.

Признание необходимости интерсубъективных отношений ставит художника перед необходимостью его самореализации, способной наглядно выявить определенную когерентность отдельных эпизодов жизни и творчества.

Уже на начальной стадии исследования видно, что разъять человеческое и художническое, Я и не – Я, индивидно-природное и индивидуально-творческое в натуре художника невозможно. В поисках своего бытийного и творческого тождества человек все время всматривается в Другого. «Не только в жизни художника, но и в жизни любого человека происходит этот взаимообмен и взаимное притяжение: проба на прочность и сокрушение на уровне какого-то нового основания оппозиции «свой» и «чужой». Только у обычного человека внутренние путешествия по поиску своего Я более одномерны. У художника эти путешествия – красочнее, рельефнее, осязаемее, смелее, самозабвеннее», – отмечает О.А. Кривцун [7, с. 25].

Реальное Я каждого человека, а у художника в особенности, непрерывно изменяется, причем, закономерность модификаций такова: чем талантливее художник, тем в большей степени в его внутреннем мире, в его Я наблюдается явное присутствие Другого, некий

CC BY

избыточный эффект присутствия Другого. Творческое сознание художника на каждом из этапов его бытия демонстрирует неискоренимую потребность самоутверждения. Эта потребность не прямой, не фронтальной саморепрезентации, а чуткое, выверенное интуицией постижение себя, обнаружение новых сторон своей самости через диалог с Другим.

Научившись присваивать духовный опыт Другого, принимать иную по отношению к себе сущность, художник формирует новые ипостаси своей самости за счет усвоения пережитого «чужого», либо пробуждать благодаря чужому эмотивному опыту, неизвестные себе, до определенного момента собственные черты, свойства, способности.

Бесконечное самоотождествление, поиски себя, превышение себя, трансцендирование возможно только при участии Иного – Другого, который и становится явленной границей не-своего; и только через эту нетождественность процесс самопознания и может осуществиться. Парадоксально, но субъективное человеческое Я обязано своим существованием тому, что ему внеположено: «Наша взаимная потребность друг в друге требует и единства, и сохранения разобщенности. Другой претендует на меня, в то же время он заинтересован в сохранении моей свободы, ибо взыскует меня, как иное себе» [10, с. 413].

Научиться проникать в Иное, понимать Другого с тем, чтобы через иное бытие постичь тайны собственного бытия и творчества – сверхзадача любого художника. Перипетии художественной самоидентификации воплощаются во взаимодействии двух важнейших конкурирующих установок. Первая связана с необходимостью самотождественности, с желанием совпасть с самим собою; для художника это осмысленный и всегда индивидуальный выбор «своей» темы, предмета, героя, конфликта, позиции, манеры, стиля. Художник, зачастую интуитивно, но безошибочно, определяет степень органичности или чуждости предлагаемого материала – темы, моделей, образов, ситуаций. Иная противоположная установка раскрывает механизм становления персональной идентичности художника под значительным влиянием чужого мнения. Такого рода усложнение исходных параметров требует соотношения меры и свободы волеизъявления с границами зависимости от чужой субъективности. Ощутить подлинность собственного существования можно лишь в той мере, в какой ты представлен в Другом [4, с. 118].

Сознание художника не является пассивным отражением бытия, оно устанавливает непосредственный контакт с миром, обнаруживает присутствие «Я» во всех проявлениях человека в мире.

Основным мотивом интенционального проявления и является самоидентификация. Среди способов самоидентификации для художника особым значением обладают те культурные формы, которые обнаруживают соприкасающиеся грани «Я» и «Другого» в контексте интерсубъективности. Миром «Другого» может стать вся культура, все ее прошлые и настоящие артефакты, за которыми стоят другие миры и другие субъекты. Диалог с ними – условие обнаружения себя и своего мира. Понять самого себя можно только обращаясь к собственным текстам-продуктам и текстам-продуктам других авторов. Следовательно, возможности персонального самопонимания предопределены для человека осознанием двойственности мира как слияния «своего» и «чужого».

Важно понимать, что идентичность «Я» не может быть представлена и как итог уединенного сокровенного размышления о себе; искомая персональная идентичность не может быть усмотрена только в переживаниях, чувствах, личных реакциях. Формируемая в жизненном контексте способность к самосознанию, самоконтролю является продуктом социального контекста. Интересно описывает Э. Гоффман понятие «политики идентичности». Это тот образ себя, который создается у социального окружения человеком о самом себе. Гоффман разрабатывает способы влияния идентичности на социальное окружение через различные техники: техника избегания, компенсации (искажение мнения о себе), техника деидентификации (изменение признаков персональной идентичности). Целью этих техник является охрана собственной идентичности в социальных сетях коммуникации. Умение овладеть ситуацией, разрешить ее в свою пользу упрочивает ощущение личной безопасности и значимости.

Понятие «политики идентичности» фиксирует изменяемость, континуальность Я и разнообразие идентичностей, возникающих в процессе социальной коммуникации у человека. Интересна представлена драматическая модель социального взаимодействия Эрвина Гоффмана, в особенности введенная им метафора «сцены», что позволила представить общественную жизнь как инсценировку, а участие в ней индивида как само-представление (performance), которое опирается на «ролевую дистанцию». Способность индивида к самонаблюдению, дистанцированию от своих социальных ролей и делает его «индивидуальностью», чья идентичность складывается вне соотнесенности с коллективом или значимой референтной группой [4, с. 145]. Для художественной идентичности важно сохраненное пространство «бытия-в-себе и для-себя».

Завершенное произведение искусства резервирует бесконечность смыслов не только для воспринимающих это произведение, но и для своего создателя. Уже в процессе работы художник по мере создания произведения сам внутренне меняется, при этом уточняется, коррелируется как архитектоника произведения искусства, так и смысловая составляющая «вещи». Она вырастает вместе с создателем, чутко реагируя на нюансы художественной и внехудожественной вовлеченности в творчество.

Сама природа художественного творчества, заключающая в себе вымысел игры, инсценировки, лицедейства, предъявляет художнику требования чрезмерной гибкости в творчестве, связанные с художественной идеализацией и пластичностью самоидентификации.

Для художника идентификация – это способность обретения самотождественности. При разных оценках – позитивных или негативных – зеркальное отражение живого тела возможно только при условии – видящий становится одновременно и видимым. Уже на уровне созерцания образа своего тела человеку дается

CC BY

возможность самому определить, что есть часть его собственного Я, а что ею не является. Художественное отражение бросает вызов «модели», и модель по-разному мобилизует себя, отвечая на этот вызов.

Жанр автопортрета или автобиографии – самый «искренний», исповедальный жанр искусства, по сути, максимально точно воплощает как миместический принцип искусства, так и репрезентацию индивидуальности личности художника в процессе самопознания, самоизображения и самовидения. Автопортрет мгновенно высвечивает и внешность, и внутренний мир художника для того, чтобы он вступил в спор-диалог с Другим и был бы им понят. Автопортрет становится нитью диалога с Другим, потенциальной ценностью для Другого.

Но даже будучи заинтересованным в Другом, художник испытывает чувство тревоги, опасения перед этим Другим, что обостряет желание выглядеть достойно, бессознательно скрыть через одежду, грим, прическу, жесты то, что кажется непривлекательным [12, с. 23]. Это заставляет художника обращаться к приемам масок, личин, скрывающих в автопортрете сокровенное.

Превышение мыслимого образа Я в сравнении с реально имеющимся есть необходимое условие осмысленной необходимости в новой скорректированной идентификации, которая неизбежно включает в себя механизм идеализации. Процесс «отзеркаливания» идеализируется и в значительной степени выступает способом самозащиты своего внутреннего сокровенного мира. Рембрандт написал за свою жизнь десятки автопортретов, изображая себя солидным бюргером, беспечным кутилой, рефлексирующим философом. Почти тридцать автопортретов художника запечатлели его мудрым и простодушным, любящим и надменным, серьезным и смеющимся. При самой высокой степени самоотождествления ни один из этих автопортретов не может передать всего богатства конкурирующих смысловых качеств, из которых художник вынужден отбирать в новое полотно определенный на данный момент самовосприятия образ, некую грань своего Я.

Отношение художника к своему герою-персонажу как к себе, воспринимаемому со стороны, есть результат раздвоения, напряженной саморефлексии, углубленного самопознания. Образ становится центром репрезентации личностных смыслов автора, который одновременно и свободен, и не свободен от своего героя. Отождествление с образом-героем происходит частично, в чем-то одном, сохраняя возможность ситуации «вненаходимости» относительно другого аспекта. Взаимодействуя с персонажем как со своим двойником, идеальным образом своего Я, художник пытается взглянуть на себя со стороны через выбранный ракурс таким образом, чтобы переживание предстало в целостном виде. Переживания, мечты, грезы, ценностные позиции, которые автор еще пока интуитивно предчувствует, в персонаже находят свое явленное выражение.

Творчество в этом смысле – отход от своего реального «Я», которое есть промежуточный итог самопознания. Применительно к сложному процессу художественного творчества М.С. Каган и М.П. Лохтина описывают это так: «Далеко не все то, что характеризует эмпирическое «Я» художника, получает отражение в его произведениях, в своей творческой ипостаси художник обособляется от своего эмпирического «Я», его личность обобщается, идеализируется (от идеала!), социализируется, и он воспринимает свою деятельность не как заданную извне, а как «миссию» [5, с. 75]. В такие экзистенциальные моменты «свое другое, тайное» оценивается с точки зрения высших, предельных экзистенциальных ценностей – «святыней духа». В эти витальные критические моменты, по Байрону: «станции на жизненном пути, где судьба меняет лошадей», происходит обнажающее – интимная, искренняя и неизбежная встреча с самим собой. В эти моменты «суда над самим собой» человек предельно искренен и абсолютно прав. На предельной глубине сокровенного мира фальши быть не может, извечные святыни-ценности понятны всем и каждому. Изменить им, отречься от них равносильно предательству себе, отречению от себя как от человека. Наличие этих святынь духа связует Человечество как род Людей, являясь высшим гарантом наличия в них человечности и духовности.

Результаты исследования

Таким образом, каждое конкретное произведение – есть результат прохождения через серию идентификаций; художественное творчество изначально опровергает устойчивые и конечные идентификации [8, с. 345].

Любой акт идентификации устраняет зазор между внутренним и внешним, своим и чужим, экзистенциальным и символичным. С другой стороны, процесс идентификации и возможен только потому, что существует дихотомия внешнего и внутреннего, реального и символического (ибо любая форма внешней идентификации включает в себя символическое измерение, искусство же – прежде всего). В искусстве человек желает и находит необходимый ему образ превышающей ценности, до которой он желает дотянуться, соответствовать ему.

Позиции и контексты могут быть различными, и все-таки речь идет об их закономерной идентичности, выражаемой индивидуальной самостью. Через субъективное определение непрерывности констант, универсалий, устойчивых повторов, значимых удержаний выстраивается жизненный мир, значимый для стратегий идентификаций [2]. Новая форма своей идентичности может быть и корректирующей, и замещающей (отчуждающей), и иллюзорной, и эгоцентричной. Любой новый процесс «собирания себя», новая форма идентичности определяется дистанцированием, желанием заштриховать (сократить) или четче обозначить (расширить) пространство между реальным Я и мыслимым, воображаемым Я.

Именно искусство раскрывает «тайну» каждого типа культуры, не обнажаемую ни в одной другой сфере человеческой деятельности [6]. Оно становится образной моделью культуры, ее портретом, самосознанием, таинственным кодом, который позволяет проникнуть в сокровенные тайны индивидуальной и коллективной ментальности.

CC BY

Обсуждение

Исследователи художественного творчества, разбирая процесс идентификации, интерпретируют его как процесс «миместического соперничества», поиск такого подобия, которое воспринимается художником как максимально адекватное его духовному миру. Идентификация предполагает нахождение и присвоение некоей формы-образа, которая воспринимается человеком как близкая, созвучная, желаемая, нужная себе сегодняшнему «тут-и-сейчас».

Для нашего анализа персональной идентичности художника важна исследованная П. Рикером конструктивная роль искусства, художественного произведения в отношении его самости. Художественный текст за счет деятельного характера расположения фактов творчески подражает действительности («мимесис») и, будучи прочтенным другим, вызывает к себе отношение, основанное на идентификации (персонажа и воспринимающего). Именно благодаря идентификации меняется и воспринимающий произведение искусства, происходит рефигурация его самости. Изменения идентичности через текст не происходит механически, однонаправлено. Скажем, читатель сам создает свое отношение к тексту, его автору, также творчески-активно он может, не ограничиваясь иллюзорным миром фантазий, изменить и свою жизнь в соответствии с новой идентификацией. Познание себя подлинного через преобразование себя дает человеку шанс стать таким, каким он себя познает. Тогда моя конструкция себя – это не самообман, не кажимость, а сознательно осуществляемая позиция.

Только такое понимание идентичности как деятельной реализации, выражаемой в повествовании о себе и для себя, по П. Рикеру, устойчиво к испытанию, которому подвергается человек в современной культуре, переживая кризис своей идентичности.

Рассмотренные позиции современного философского знания на проблемы персональной самотождественности объединяет общее понимание основания идентичности, выраженное как нарративная связность. Последняя понимается как когерентная история личности о самой себе, история своей жизни. Пространство само-обозначения как самопризнание, как осмысленное изложение последовательных образов «я могу» является для П. Рикера конкретной феноменологической данностью, подтверждающей диалектику самотождественности и самости через нарративную историю [9, с. 90].

Персональная тождественность должна установить определенные отношения между психологической непрерывностью и связностью личности. От личности не требуется всегда соответствовать «единству слова и дела», важен рассказ о себе от своего имени, от имени Я (нарративная связность). «Если этот рассказ связан и последователен – идентичность налицо», – заключает свое исследование Е.Г. Трубина [11, с. 145]. Осознавая ненадежность искренности рассказа о своей жизни, Е. Трубина, тем не менее не подвергает сомнению достаточность нарративного дискурса как критерия самоидентичности на том основании, что «он является результатом действий самой персоны» и «обусловлен активной авторизующей (творческой) работой личности как действующего агента по интеграции и материализации планов и проектов личности». Мы согласны с мнением Е.Г. Трубиной, что именно в рамках нарративной теории развивается конкретная диалектика самотождественности и самости художника.

Нам представляется завершающийся творческий проект через обоснование диалектики рефлексивности и инаковости в форме взаимного признания. Во взаимном признании проблема идентичности достигает кульминации: самая подлинная идентичность человека, делающая его тем, кто он есть, требует от другого признания себя в достигнутом статусе, образе, роли.

Изначальная асимметрия понятий «один» и «другой» противоречит идее обоюдности, сохраняя риск предать забвению имманентные различия. Признание асимметрии, которой угрожало забвение, оборачивается признанием незаменимого характера при контакте друг с другом: один не есть другой, обменивают дарами (П. Рикер), а не местами. Вторая причина сохранения стержня собственной идентичности при контакте с иным – в сердцевине взаимности сохраняется дистанцирование, уважительность к частной сфере жизни. Взаимность не обязательно оборачивается слиянием, утратой самотождественности в любви, дружбе, братстве, существующих на уровне отдельных субъектов [1, с. 56, 69, 219]. Обретение человеком абсолютной уверенности в собственной идентичности осуществляется благодаря признанию другим богатства его способностей.

Для нашего анализа персональной идентичности важна исследованная конструктивная роль искусства, художественного произведения в отношении самости.

Заключение

Итак, персональная идентичность художника формируется через диалектическое единство автономного, убежденного в своих правах и возможностях человека с другими людьми, которые подтверждают укорененность личности в художественной реальности и способствуют ее творческому самораскрытию и реализации.

Сама природа художественного творчества, несущая в себе вымысел инсценировки, лицедейства, предъявляет художнику требования чрезмерной гибкости в творчестве, связанные с художественной идеализацией и пластичностью самоидентификации.

В заключении следует отметить особый способ творческой самореализации сокровенного мира индивидуальности, в котором бы наиболее полно осуществилась его ценностная перестройка. На наш взгляд, это искусство, где художественное самовыражение становится как средством и способом осуществления художественной деятельности, так средством и способом творческих ценностных преобразований на уровне сокровенного мира самого художника. Это не два изолированных, параллельных процесса, а единое художественное сотворение себя или человеческое самовыражение в художественной деятельности; причем, успешность одного определяется полнотой выражения другого.

Таким образом, мы убеждаемся в том, персональная идентичность художника, являющаяся «сгустком»

CC BY

отличительных свойств и уникальных черт чистой самобытности, есть реальное проявление общечеловеческого содержания. На предельной глубине сокровенного мира ценности не могут быть только внешним средством, ибо верить и следовать им означает то же, что оставаться собой, сохранять свое достоинство, быть человеком. Целостное человеческое бытие соизмеряется с «тотальностью» общественно-исторического прогресса, с определенной совокупностью высших смыслообразующих ценностей культуры. Культура является основой человеческих мироотношений. Каждый индивид в процессе своего становления именно человеком овладевает миром культуры и собственным миром, приобщаясь к ценностям культуры и к ценностям собственного человеческого мира.

Тип художественной авторской идентичности и реализует субъективную целостность и самотождественность творящей личности, ее реальной психологии и конкретной ценностной позиции перед миром. Интегральные структуры персональной идентичности содержательно моделируют мироотношение художника, формируют целостную концепцию как воспринимаемого мира в единстве его предметных и ценностно-смысловых связей, отношений, свойств, состояний, так и художественно-образного мира произведений этого автора.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
2. Грякалов А.А. Письмо и событие. Эстетическая топография современности. – СПб.: Наука, 2004. – 484 с.
3. Делез Ж. Критика и клиника. СПб., 2002. – 127 с.
4. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. – Ростов н/Д: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1999. – 200 с.
5. Каган М.С. Эстетическое значение трансформации межличностных отношений в самовыражении художника / М.С. Каган, М.П. Лохтина // Эстетическая культура в условиях НТП. – Свердловск. – 1987. – С. 72–79.
6. Каган М.С. Философия искусства. Се человек / М.С. Каган. – М.: Юрайт, 2019. – 367 с.
7. Кривцун О.А. Творческий процесс как потенцирование многомерного Я художника // Метаморфозы творческого Я художника / отв. ред. О.А. Кривцун. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – С. 14–32.
8. Мочалова Н.Ю. Музей как институт идентификации исторического типа культуры // Евразийский юридический журнал. – 2019. – №9 (136) – С. 344–346.
9. Рикёр П. Путь признания. Три очерка / П. Рикёр; пер. с фр. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 267 с.
10. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – 413 с.
11. Трубина Е.Г. Рассказанное Я: Проблема персональной идентичности в философии современности. – Екатеринбург: Ин-т философии и права, 1995. – 150 с.
12. Юровская Э.П. Автопортрет как культурная самоидентификация художника // Философии связующая нить … (к юбилею Э.П. Юровской) – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2009. – 224 с.

References

1. Bakhtin, M. M. (1979). Estetika slovesnogo tvorchestva [The Aesthetics of Verbal Creativity]., 423. Moscow: Iskusstvo.
2. Gryakalov, A. A. (2004). Letter and the event. Aesthetic topography of modernity., 484. Saint Petersburg: Nauka.
3. Deleuze, G. Kritika i klinika. Saint Petersburg., 2002., 127.
4. Zakovorotnaya, M. V. Identichnost' cheloveka. Sotsial'no-filosofskie aspekty [The Identity of the person. Socio-philosophical aspects]., 200.
5. Kagan, M. S., & Lokhtina, M. P. (1987). Esteticheskoe znachenie transformatsii mezhlichnostnykh otnoshenii v samovyrazhenii khudozhnika. Esteticheskaia kul'tura v usloviiakh NTP, Sverdlovsk, 72-79.
6. Kagan, M. S. (2019). Filosofiia iskusstva. Se chelovek., 367. Moscow: Iurait.
7. Krivtsun, O. A. (2005). Tvorcheskii protsess kak potentsirovanie mnogomernogo Ia khudozhnika. Metamorfozy tvorcheskogo Ia khudozhnika, 14-32. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli.
8. Mochalova, N. Yu. (2019). Muzei kak institut identifikatsii istoricheskogo tipa kul'tury. Journal of Eurasian Law, 9 (136), 344-346.
9. Ricœur, P. (2010). Parcours de la Reconnaissance – Trois Études., 267. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).
10. Sartre, J.-P. (2000). Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology., 413. Moscow: Respublika.
11. Trubina, E. G. (1995). Rasskazannoe Ia: Problema personal'noi identichnosti v filosofii sovremennosti., 150. Ekaterinburg: Institute of Philosophy and Law.
12. Iurovskaia, E. P. (2009). Avtoportret kak kul'turnaia samoidentifikatsiia khudozhnika. Filosofii sviazuiushchaia nit', 224. Saint Petersburg: Saint-Petersburg Philosophical Society.

Информация об авторе

Мочалова Надежда Юрьевна – канд. филос. наук, доцент, заведующая кафедрой Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», Нижний Тагил, Российская Федерация

Information about the author

Nadezda Y. Mochalova – candidate of philosophical sciences, associate professor, head of department of Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) FSAEI of HE “Russian State Vocational Pedagogical University”, Nizhny Tagil, Russian Federation

CC BY